

господствующей оказывается новая парадигма мышления протестантизма (в этот период библейские названия чаще переносятся на церкви, частные дома, элементы рельефа и сельскохозяйственные угодья). Пики фиксаций библейских топонимов приходятся на XIII–XIV и XVIII–XIX вв., причем в каждый период отмечаются доминирующие группы названий. В качестве средств создания библейских топонимов выделяются метафоризация, языковая игра и народно-этимологическая интерпретация.

А. Е. АНИКИН

Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирск
alexandr_anikin@mail.ru

Об этимологиях, основанных на недоразумениях и недостоверном материале

Не слишком многочисленные работы по типологии этимологических исследований (главным образом, словарей [см.: Malkiel, 1976]) как будто не касаются проблемы этимологий, упомянутых в заголовке этой заметки, хотя на практике они встречаются не столь уж редко. Они представляют определенную опасность для нашей науки и должны или выводиться из научного оборота, или помечаться как требующие особой осторожности. Представим некоторые иллюстрации.

В монографии И. Новиковой о русских названиях грызунов для зоонима *выхухоль* предлагается сравнение с калмыцким *öxöxul^u* ‘светлорыжий цвета с черной и темной гривой’, *χax^axul^a* ‘вид рыси’ [Nowikowa, 1959, 23–24]. Этимология отражена в дополнении О. Н. Трубочева к словарю М. Фасмера [1, 372], а также в других работах, в том числе последнего времени, например в словаре В. Э. Орла.

Данная этимология включает недоразумение, так как цитируемое Новиковой *ö* — неправильно понятое сокращение *ö* в калмыцком слове Г. Рамстедта. Оно расшифровывается как *ölötisch*, т. е. немецкое название олетского наречия калмыцкого языка, но отнюдь не как морфема этого языка. Впрочем, и без учета этой псевдоморфемы калмыцкая

этимология слова *выхухоль* крайне сомнительна. Калм. *χōχul^u* включает *χō* ‘соловый, светло-желтый (о лошадях)’ и *χul^u* ‘светло-коричневый с черной гривой и черным хвостом’. Каким образом вся эта «гиппология» может быть связана с *выхухолью* — «водяным зверком», у которого «нос хоботом» (Даль) и который имеет сильный запах мускуса?

В статье **gataⁱ* ‘прорицать, ворожить’ «*Ślownik prasłowiański*» [7, 60] дает ссылку на рус. диал. *gámai* ‘спорщик, склочник’ как на дериват **gataⁱ*, рус.-цслав. *gamati* ‘предугадывать, догадываться’, меняющий представление об этом слове как чуждом русской народной речи. Объяснение малоубедительное, но главная беда в том, что диалектизм взят из «Словаря русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова (где, кстати, *gamái*), который не может служить надежным основанием для каких-то существенных выводов.

Укажем также на прием, к которому Л. Е. Элиасов прибегал для пополнения своих диалектных записей: выписывание слов из словарей русских говоров В. И. Даля, Н. Ф. Кривошапкина или из словарей языков Сибири (якутский словарь Э. К. Пекарского и др.) и снабжение этих слов придуманными «забайкальскими» контекстами, иногда «по мотивам» данных словаря-источника. Так, у Пекарского в статье об отыменном якутском *тордуja-lā* ‘ловить рыбу сетью’ говорится: «Рыболов... плывет на лодке... рыба попадает в сеть, закинутую поперек реки». У Элиасова находим фантастическое *тórдула* ‘способ ловли рыбы сетями, плывущими по течению’: «Заметали сети поперек реки и плывем за ней... таким тордулой много не поймашь».

Обнаружение подобных подделок стало возможным из-за опечаток в словарях-источниках, которые Л. Е. Элиасов не замечал или игнорировал: у Даля *кычим* ‘черпак’ — и у Элиасова *кычим* ‘черпак’ («Кычим так обледел, что кое-как его я поднимал»), хотя несомненно, что речь идет о тюркизме *кычим* ‘чепрак’. И у Даля, и у Элиасова имеется, кстати, и *кичím* ‘чепрак’. Обилие опечаток и/или неточностей (обусловленное преждевременной кончиной составителя) является еще одной особенностью словаря Л. Е. Элиасова.

В этом словаре необычайно много заимствований из разных языков, и даже «неизвестно от каких народов» (по выражению составителя), что оправдывается ссылкой на многие десятилетия собирательской работы Л. Е. Элиасова, а также его уверенностью в том, что «народ не оставался в стороне от классовой борьбы», а она приводила

к интенсификации экономической жизни — отсюда якобы и заимствования. Такие тезисы, вероятно, устраивали главного редактора словаря Элиасова, Ф. П. Филина, который настоял на публикации этого в высшей степени спорного лексикографического труда. Разве можно, например, всерьез думать о заимствовании в русские говоры из якутского в случае с элиасовским *ачин* ‘плечо’ (ср. якут. *ägin* ‘плечо’ у Пекарского): «На твоих ачинах не один выезжал в рай, пусть теперь на твоих ачинах, товарищи рабочие, капиталисты прокатятся в ад!» Ничего подобного в других словарях русских говоров Сибири нет.

По всей вероятности, в словаре Элиасова есть важные диалектные данные, но где гарантия подлинности этих «золотых словесных россыпей» (определение Ф. П. Филина)? Устранить из научного оборота словарь Элиасова уже не получится, но если пользоваться им, то с величайшей осторожностью, не слишком на него полагаясь. Между тем, он широко используется в славистике (встречается и в публикациях по неславянским языкам), им пользуются «Этимологический словарь славянских языков» и «*Słownik prasłowiański*». Его данные включены в «Словарь русских говоров Сибири» А. И. Федорова и привлекаются в «Словаре русских народных говоров».

Одной из «жертв» словаря Элиасова стал и автор этих строк, предложивший в свое время ряд примеров «диффузии» русской лексики с крайнего Северо-Востока Сибири в Забайкалье (в книге «Этимология 1985»). Никакой «диффузии» нет, а есть русские слова чукотско-камчатского происхождения в словаре Даля, которые по описанной выше методике были превращены Л. Е. Элиасовым в «забайкальские».

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986–1987.

Malkiel Y. Etymological Dictionaries : A Tentative Typology. Chicago, 1976.

Nowikowa J. Die Namen der Nagetiereim Ostslawischen. Berlin, 1959.

Słownik prasłowiański. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1974–. Т. 1–.